

А.Б. Елисеев
**«ЧРЕЗ ТО БЕСПОКОЙСТВИЕ БОЛЬШОЕ ЗДЕШНИМ ОБЫВАТЕЛЯМ
ДЕЛАЕТСЯ»: СЛУХИ О ВОЛНЕНИЯХ В «ЛИТОВСКИХ» ГУБЕРНИЯХ
В МАРТЕ–АПРЕЛЕ 1813 г.**

Одним из отзвуков войны 1812 года на территории Беларуси стали слухи о «вырезании русских и евреев» и о якобы готовившихся «против россиян» волнениях. Территорией распространения слухов стала в основном Литовская губерния. Однако в немалом количестве они были зафиксированы и в Минской, и Рижской губерниях. В 1913 г. в пятой книге «Виленского временника» была опубликована «Секретная переписка о готовящихся в Литве волнениях», раскрывающая этот малоизвестный сюжет отечественной истории.

15 марта 1813 г. Литовский генерал-губернатор А.М. Римский-Корсаков сообщил гродненскому коменданту полковнику Кленовскому, что к нему поступила информация о распространении в г. Гродно слухов «о заговоре поляков против россиян» – 1 апреля они якобы должны были напасть и вырезать русских вместе с евреями [1, с. 167]. А.М. Римский-Корсаков предписывал гродненскому коменданту расследовать, откуда происходят и кем распространяются эти слухи. В этом расследовании генерал-губернатор рекомендовал опереться, во-первых, на «известных усердием и преданностью нашему правительству евреев», а, во-вторых, обратить пристальное внимание на «шинки» (т.е. кабаки), куда обыкновенно «лакеи, кучера и простой народ сходятся, и тут при употреблении напитков имеют разговоры и толки» [1, с. 167]. Римский-Корсаков предписывал, «чтобы разведывания сии производились самым неприметным и тихим образом, со всей осторожностью и без малейшего шума и тревоги и отнюдь не приступая ни к каким решительным действиям без открытия явных следов заговора» [1, с. 167].

Спустя несколько дней уже Минский генерал-губернатор Г.А. Игнатьев информировал А.М. Римского-Корсакова о том, что приезжающие из Литовской губернии евреи тайно сообщают местным евреям, что во многих местах Гродненской и Виленской губерний жители «сделали заговор возмущения против правительства» и умертвят всех евреев и русских военнослужащих [1, с. 169]. Игнатьев приложил к письму копию рапорта Пинского городничего И. Деллинсгаузена на его, Игнатьева, имя, а также перевод письма Дрогочинского кагала Яновскому кагалу Кобринского повета, в котором адресатам советовалось писать письма в другие города «не слышно ль в оных городах то самое» [1, с. 170].

Несмотря на то, что, как рапортовал Деллинсгаузен, в Пинске пока еще не были замечены случаи распространения слуха, он уже предпринимал меры предосторожности, в частности, распорядился об отправке под конвоем военнопленных в Бобруйскую крепость и отправке в Минск государственной казны. Подобные меры предосторожности он мотивировал не только соседством Пинского и Кобринского поветов, но и тем, что «при первом на Пинск бывшем от неприятеля нападении здешние жители последовали примеру кобринских в настоящем противу России возмущении» [1, с. 170].

О мерах предосторожности распорядился и Римский-Корсаков. Гродненскому коменданту он предписал держать военных «во всегдашней исправности», усилить ночные караулы, солдат располагать так, чтобы они не были разделены по городу и всегда имели при себе полную амуницию и оружие, за всеми проходящими и приезжающими в Гродно устанавливалось строгое наблюдение [1, с. 167–168]. Кроме этого, Римский-Корсаков обратился к генералам П.Я. Бошуцкому и Д.И. Лобанову-Ростовскому с просьбой о помощи войск. «...Я по-

корно прошу ваше сиятельство, – писал он командующему Резервной армией князю Д.И. Лобанову-Ростовскому 25 марта, – когда армия ваша проходить будет Гродненскую губернию, приказать чрез надёжных военных офицеров по показаниям кагалов, на которых положиться со всей уверенностью можно, захватить всех мятежников или распускальщиков слухов, равномерно и тех, где найдутся запасы пороха, оружия и хлеба, какого бы звания люди не были, не выключая и духовных, и предать уголовному военному суду... Я о сем моем нужном отношении к вам донесение всеподданнейшее Государю Императору сделал» [1, с. 172–173]. Через графа А.А. Аракчеева Римскому-Корсакову была передана воля императора Александра I о невозможности остановки идущих из Санкт-Петербурга вверенных Бошуцкому войск и необходимости продолжить им «марш за границу». Что до Резервной армии, то местом ее формирования являлась сама Гродненская губерния, и император посчитал, что ее войск «более, нежели достаточно, для удержания спокойствия целого края» [1, с. 176]. Между тем, и эти войска должны были следовать за границу без остановок. И хотя князь Лобанов-Ростовский отдал распоряжение генералам, следующим с колоннами на Брест и на Волковыск, «забирать под стражу» злоумышленников и распространителей слухов, Римский-Корсаков в письме 11 апреля отозвал свою просьбу, опасаясь задержки следования войск и нарушения таким образом императорской воли [1, с. 184–185].

Тем временем А.М. Римскому-Корсакову продолжали поступать сведения о слухах. Кобринский земский исправник Кудрявцев сообщал, что «единогласно евреи говорят, якобы их на праздник Пасхи вырежут, отчего происходит великое уныние и страх» [1, с. 178]. Новогрудский земский исправник Берх писал, что по уезду «носится площадный слух о вырезании евреев» [1, с. 179]. Виленское губернское правление рапортовало о том, что в Окмянах (ныне – город Акмяне в Литовской Республике) «бунтуются якобы крестьяне, делают ножи и имеют резать жидов» [1, с. 180–181]. Исполняющий должность Гродненского гражданского губернатора М. Андржейкович сообщал со ссылкой на Волковысского земского исправника Порадовского, что слух «о заговоре на умерщвление русских и евреев» пронесся в Волковыске, что по слухам в предместье города делают ножи, обещают платить за голову русского, по разным сведениям, от 6 до 10 злотых, а за голову еврея от 4 до 6 злотых [1, с. 177].

Сразу по получении первого же рапорта о возникновении слухов в Волковыске Андржейкович направил туда для расследования коллежского советника Рызенко. Рызенко и Порадовский провели тщательное расследование. Они допросили всех подозреваемых и свидетелей по делу «о заговоре к возмущению жителей Волковысского повета», в результате чего под стражу были взяты крестьянка Катерина Гандолицкая, шляхтич Доминик Плонский, шляхтянка Анна Плущевская, крестьяне Августин Гришкевич, Петр Роснякович, Степан Дмуховский, Яков Романовский, Томаш Григорович, Степан Уланович и Илья Новгородец [1, с. 189]. За исключением Гандолицкой, все они были доставлены под арест в Гродно.

К своему рапорту о задержании этих лиц на имя Римского-Корсакова, Андржейкович приложил выписку из допросов и очных ставок всех подозреваемых и свидетелей по этому делу.

Основанием для начала расследования стали три донесения на имя Андржейковича – из Волковыска, Порозово и Росси – в которых сообщалось не только содержание слухов, но и их конкретные распространители. Например, кагалы Волковыска доносили, что шляхтич Доминик Плонский обратился к еврею Герцелю Вельвелиовичу и его матери с такими словами: «Я слышал досто-

верно, что для вас и россиян есть весьма худо. Будут резать евреев и россиян, и поставлена цена за резание россиянина 4, а за еврея 6 злотых, а ножи приготовленные находятся у шляхтича Бринка и у ксендза каноника Волковысского» [1, с. 190]. Крестьянка Катерина Гандолицкая говорила еврею Гирше Мееровичу и его дочери Злотке: «Я была в Бискупицах, где молотят, как можно, скорее хлеб и хоронят в лесе по причине имеющего быть замешательства. Также была в Кусине у кузнеца, не сыскала его в доме, а жена его сказала секретно, что муж ее от двух недель делает у кузнеца в Теолине ножи для резания россиян и евреев и таковые ножи хранят в сундуках и на кладбище» [1, с. 190]. Шляхтич Франц Янушкевич говорил еврейке Дворке Давидовне: «Вы думаете, что государь будет строить для вас фольварки. Нет. Скорее мы будем строить для вас висельницы. Ежели б теперь было польское правительство, давно было б так сделано. Как вы резали в Вильне французов, так будут вскоре вас резать» [1, с. 190–191].

Одна из особенностей функционирования слухов заключается в том, что они почти всегда распространяются «по секрету». Доминик Плонский заявил на допросе, что сам слух ему сообщила жена писаря Волковысской городской ратуши Анна Плущевская, добавившая при этом: «Сие прошу вас, имейте в тайне и никому не объявлять» [1, с. 191, 205]. Однако, и это тоже особенность слухов, их «секретность» предполагает именно необходимость их разглашения, что и сделал Плонский.

Крестьянину Григоровичу слух также был сообщен «секретно» в корчме еврея Иоселя Гиршовича и его зятя Шамы: «...Когда начали пить водку с сотским, тогда последний тихим и секретным образом сказал Григоровичу, что пришло такое письмо, ...дабы всех евреев резать» [1, с. 197]. Через несколько недель Григорович зашёл в эту же корчму и потребовал водки, и на отказ Иоселя Гиршовича дать водки без денег, «с азартом» сказал: «Я вас вырежу, буде водки не дадите» [1, с. 196]. Пришедший вместе с Григоровичем крестьянин Семен Дмуховский попытался урезонить своего приятеля: «Не твоя в том воля, и ты сего учинить не можешь, а имеешь длинный язык и им брешешь», однако позднее, «пьючи водку», сказал: «Чтоб я удавился настоящею рюмкою, когда вышеписанное, о чем и я слышал, не исполнится» [1, с. 196–197].

Дочь Гирши Мееровича Злотка на допросе рассказала, что первый раз Екатерина Гандолицкая приходила к ним со словами: «у нас что-то слышно, но говорить нельзя». Это вызвало, разумеется, интерес, и когда Гандолицкая вечером вновь зашла к ним, те стали расспрашивать, что она имела в виду. Однако Гандолицкая снова ответила загадкой: «Будет так, что на всякие десять миль будет один господин». На очных же ставках ей все-таки пришлось ответить на этот вопрос. И вот каков был ее ответ: «Она о сем разговоре слышала, но что значит и от кого именно, не помнит» [1, с. 194]. Как видим, Гандолицкая вообще не понимала, о чем идет речь, однако, вероятно, именно эта «загадочность» и принуждала ее повторять этот слух. Что касается конкретики, например, прятанья зерна, то в ходе следствия выяснилось, что это действительно имело место, однако гораздо раньше. Так владелец имения Бискупицы Иван Гелвановский подтвердил, что прятал зерно (овёс) в лесу, но делал это «не от чего иного, как от забора неприятельскими войсками, то есть при ретиреде оных в декабре месяце» [1, с. 194]. Крестьянин, который непосредственно возил бочки с овсом в лес, также подтвердил, что это было «прежде Рождества Христова» [1, с. 194]. Никакого подтверждения не нашли и слухи об изготовлении ножей «для вырезания» евреев и русских.

Пока в различных местах, где были зафиксированы слухи, шло расследование, министр полиции и председатель Комитета министров граф С.К. Вязьмитинов

прислал А.М. Римскому-Корсакову отношение, в котором подчеркивал, что хотя и нет полного доверия к слухам, тем не менее, «избыток осторожности ни в коем случае бесполезен быть не может» и предписывал строжайшим образом наблюдать «за могущими возникнуть в Литовских губерниях происшествиями сего рода» и всемерно стремиться к открытию «вредных замыслов и уничтожению тех прежде, нежели могли бы они произвести какое либо злонамеренное действие» [1, с. 187–188].

24 апреля 1813 г. Римский-Корсаков в ответе Вязьмитинову отметил, что слухи заметно уменьшились, но он продолжает наблюдения. Что касается расследований, которые уже были произведены, то, как докладывал Римский-Корсаков, «никаких заговоров, ни же оснований к мятежу не обнаружилось, и кажется, что они были увеличены, а нашлось некоторое число малозначащих и по большей части низкого состояния пьяных людей виновными в рассеивании тех зловредных слухов, в болтовстве и несколько человек в смертоубийстве» [1, с. 188]. Из них по постановлению военного уголовного суда были казнены двенадцать человек, телесным наказаниям подвергнуты десять и пять человек были заключены в тюрьму [1, с. 188].

В конце апреля в обращении к Виленскому кагалу А.М. Римский-Корсаков уже констатировал, что слухи «о злых намерениях, по всей Литве распространившиеся», уже настолько убавились, что не составляют никакой важности [1, с. 202]. Одновременно губернатор обращал внимание, что доносы о слухах, полученные от кагалов и от частных евреев, «многие нахожу я от страха увеличенными, а другие от недуманности неосновательными» [1, с. 202]. Поэтому для предотвращения подобного в будущем, Римский-Корсаков предписывал сообщить через Виленский кагал всем другим кагалам Литовской губернии следующее: 1) не считать запасами, которые делаются для неприятеля, те продукты, которые «обыватели для собственного своего продовольствия имеют и сберегают»; 2) хлебные мешки с французским клеймом «тоже не есть сумнительны», так как их много «взято» русскими войсками и оставлено самими французами; 3) «ножи для своего домашнего употребления тоже не считаются изготовлением оружия для возмутительства»; 4) «от кого вредные слова произойдут, о таковых тотчас давать знать секретным образом»; 5) не сомневаться в верности командиров, «как ныне часто случается»; 6) «все известия, делаемые от кагалов и от частных евреев, должны иметь ясность, основательность и доказательства»; 7) объявить, что все лживые доносы «наказываться будут ныне же по всей строгости законов» [1, с. 203].

1. Акты и документы Архива Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго генераль-губернаторскаго управления, относящиеся къ истории 1812–1813 гг. Часть вторая: Переписка по части гражданскаго управления // Виленскій временникъ. – Кн. V. – Вильна, 1913. – 355 с.

А.А. Цинкевич
УЩЕРБ, НАНЕСЁННЫЙ ВОЙНОЙ 1812 ГОДА
ВИЛЕНСКОЙ И ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИЯМ

Боевые действия, происходившие на территории Беларуси летом-осенью 1812 г., оставили глубокий след в её истории. Через белорусские земли происходило наступление Великой армии на Москву, а затем и её отступление к западным границам Российской империи. Наполеон хотел превратить Беларусь в прочный тыл своей армии, в главную базу обеспечения своих войск провиантом и фуражом. Выполнение этого плана обусловило существенные материальные и демографические потери белорусских земель.

В данной работе автором анализируются социально-экономические последствия, нанесённые войной 1812 г. Виленской и Гродненской губерниям. Об-